

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ имени ЯКУБА КОЛАСА

УДК 81 (09)

ТРОФИМОВИЧ
Тамара Григорьевна

ТИПОЛОГИЯ ПРЕДМЕТНОЙ НОМИНАЦИИ
В ЯЗЫКЕ СТАРОРУССКОЙ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

10.02.02 – русский язык

Автореферат диссертации на соискание
ученой степени доктора филологических наук

Минск – 2003

Диссертация выполнена на кафедре теории и истории языка Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка

Официальные оппоненты: член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, профессор
ЖУРАВСКИЙ А.И. (отдел истории белорусского языка Института языкознания имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси);

доктор филологических наук, профессор
ЯНОВИЧ Е.И. (кафедра русского языка Белорусского государственного университета);

доктор филологических наук, профессор
МЕЗЕНКО А.М. (кафедра общего и русского языкознания Витебского государственного университета имени П.М.Машерова);

Оппонирующая организация – Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины

Защита состоится 30 января 2004 года в 14.00 на заседании Совета по защите диссертаций Д. 01.43.01 при Институте языкознания имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси по адресу:

220072 г. Минск, ул.Сурганова, д.1, к.2; тел. для справок: 284-15-94.

С диссертацией можно ознакомиться в Фундаментальной научной библиотеке имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси.

Автореферат разослан «   » декабря 2003 года.

Ученый секретарь
Совета по защите диссертаций
Д. 01.43.01

Н.В.ПОЛЕЩУК

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертации. В ряду актуальных проблем современного языкознания свое место занимают вопросы ономазиологии – одного из разделов лингвистической семантики, противопоставленного семасиологии и направленного в изучении от вещи, явления к мысли о них и способам языкового оформления этой мысли. Ономазиология исследует все единицы языка как средства наименования, репрезентирующие знания носителей об окружающем мире и служащие для объективации сформировавшихся понятий. В сферу ее интересов входит изучение номинативной техники и способов формирования номинативных единиц разных уровней. Представляя собой теорию номинации, ономазиология исследует процесс формирования смысла и пути его языковой экспликации, рассматривает закономерности познания и дискретизации окружающей действительности, механизмы представления знаний в знаках языка. Такое направление исследований соответствует научной парадигме нового времени, ее антропоцентрической ориентации, поскольку позволяет рассматривать язык не с позиций слушающего или читающего, а с позиций говорящего или пишущего. Актуально установить, как слова и выражения связаны с остальной частью мира, с реальностью, как эта реальность отражается в слове, как возникший в результате освоения окружающего мира смысл находит средства своего языкового выражения.

Типологическое описание группы наименований подразумевает комплексное рассмотрение языковых фактов как совокупности их различных типов. Наличие типологической характеристики языковых единиц определенного уровня и функционального предназначения свидетельствует о том, что познаны и поняты закономерности их системной организации, выявлены свойства, объясняющие генезис этих единиц, состояние в прошлом и настоящем. Именно поэтому исследования типологического плана относятся к числу фундаментальных и актуальных.

Наименование предмета появляется как результат сложной речемыслительной деятельности человека, направленной на объективацию знаний о мире. В процессе номинации с помощью слова из всех возможных качеств предмета выделены его существенные свойства, он отнесен к определенной категории (А.Р.Лурия). Все это делает предметное имя исключительно важной формой выражения смысла, своего рода средством связи человека и окружающей действительности, когнитивной моделью интерпретации ее явлений (Е.В.Петрухина). В названных качествах производные наименования практически не исследованы.

Ономазиология оформилась как самостоятельный раздел языкознания лишь к пятидесятым годам прошлого века. Ее начало связывают обычно с именами Г.Шухардта, А.Цаунера, В.Матезиуса, М.М.Покровского, осознав-

ших возможность изучения связи вещей и слов как связи смысла и способов его языкового выражения [ЛЭС, с.346]. В течение относительно небольшого промежутка времени интенсивно разрабатываются лингвистические и гносеологические основы ономазиологии, принципы ономазиологического подхода к анализу языковых явлений. В работах Б.А.Серебренникова, Г.В.Колшанского, Н.Д.Арутюновой, Е.С.Кубряковой, В.Г.Гака, В.Н.Телия, А.А.Уфимцевой, Д.Н.Шмелева, В.М.Никитевича, А.В.Никитевича и др. изучены процессы появления новых названий, описаны имена и предикаты, средства обозначения ситуаций, подвергнут анализу номинативный аспект речевой деятельности, номинативные функции различных частей речи. К настоящему времени сформулированы фундаментальные представления о лингвистической сущности номинации, установлено соотношение между словообразованием и номинативной деривацией, номинацией и текстом. «Изучение ономазиологии сейчас находится на таком этапе, когда теоретическая разработка вопросов номинации сочетается с решением практических задач» (Л.А.Шкатова). С того времени, как был сделан этот вывод, прошло двадцать лет, однако учение об именовании сохраняет прежнее русло развития, так как совершенствование теоретической основы языковой номинации через анализ конкретного материала продолжает оставаться актуальным.

Успешное развитие ономазиологии как одного из значимых направлений современного языкознания немыслимо без исследований синхронно-диахронического направления. Понять современное состояние системы наименований, выявить закономерности номинативных процессов в полном объеме можно только с использованием объяснительного потенциала историко-лингвистических знаний. Историческая ономазиология пока не получила широкого распространения, она только начинает развиваться в качестве одного из направлений теории языковой номинации. Работы таких исследователей, как Т.И.Вендина, Л.Я.Костючук, С.А.Мегентесов, Г.А.Николаев, Л.А.Шкатова, С.В.Вахитов, К.П.Смолина и др., свидетельствуют о том, что изучение языка прошлых эпох с ономазиологических позиций представляет несомненный интерес, имеет большое значение для получения полноценных знаний о прошлом и настоящем языкового развития.

Старорусский деловой язык неоднократно становился объектом исследования. Значимость в процессе формирования современного русского литературного языка, стратегическое влияние на языковую ситуацию в период позднего средневековья (XV – XVII вв.), народная основа и связь с живой русской речью определили длительный и устойчивый интерес лингвистов к его изучению. С ономазиологических позиций язык русского права не рассматривался, хотя такого рассмотрения достоин.

Все обозначенные проблемы свидетельствуют об актуальности принимаемого исследования.

Связь работы с крупными научными программами, темами. Диссертация выполнялась в рамках научной темы «Слово как объект изучения лингвистики. Язык художественной и публицистической речи», разрабатываемой кафедрой теории и истории языка Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка с 1996 по 2000 гг. (номер госрегистрации 199983705), а также научной темы «Язык в синхронии и диахронии», которая входит в Государственную программу фундаментальных исследований Республики Беларусь с 2001 по 2005 гг. (номер госрегистрации 20014910).

Цель и задачи исследования. Основная цель исследования – разработка теоретических основ типологии и характеристика типов предметных наименований старорусского делового языка.

Для достижения поставленной цели представляется необходимым решить ряд задач:

- установить особенности системы предметных наименований языка старорусской деловой письменности;
- доказать возможность и необходимость привлечения ономаσιологического признака как типологизирующего параметра для производных предметных наименований, обосновать приемлемость структурирования этого признака;
- установить способ выявления ономаσιологического признака в структуре производного наименования через анализ номинативного суждения;
- определить роль номинативного суждения как инструмента познания сущности ономаσιологического признака;
- доказать возможность типологизации однословных и неоднословных субстантивно-атрибутивных наименований с единых позиций;
- определить концептуально значимые для сферы старорусской предметной номинации мотивирующие понятия;
- провести анализ продуктивных типов предметных наименований, установив их состав, инвентарь деривационных средств, соотношение универбов и бивербов, пути взаимодействия между ними;
- дать теоретическое обоснование и предпринять опыт структурно-ономаσιологической характеристики фразеологических и фразеологизированных предметных наименований.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования являются производные предметные наименования, отразившиеся в языке старорусской деловой письменности. Источниками языкового материала для исследования послужили памятники деловой письменности, созданные в XV – XVII вв. По мере необходимости привлекались документы более раннего периода. Ис-

пользовались доступные издания, подготовленные для нужд исторической лингвистики, истории, истории государства и права. При выборе источников учитывалась необходимость обращения к документам разных жанров, поэтому в процессе сбора материала изучались своды законов, акты местного самоуправления, акты феодального землевладения и хозяйства, приходно-расходные книги монастырей, таможенные, разрядные книги, различные виды грамот (жалованные, духовные, уставные, указные, докладные, рядные, отступные, послушные, купчие и другие), книга сеунчей. Привлеченные памятники письменности неодинаковы по объему. Крупных документов, объемом 20 и более страниц в издании привлечено к исследованию около 200, в то время как источников меньшего объема – около 6000. Охвачены древние акты северных, южных и центральных территорий Московской Руси. Памятники уральской, сибирской письменности не привлекались. Частично использовались данные старобелорусского языка, русских и белорусских народных говоров, современных русского и белорусского языков.

Предмет исследования – ономаσιологическая структура и типы предметных наименований старорусского делового языка.

Гипотеза. Производное наименование появляется как результат познания свойств предмета, установления его признаков и выделения среди них одного главного, который и становится мотивом при именовании. Давая имя предмету, человек относит его к определенной категории однородных, одновременно эксплицируя знания о его свойствах. Такая деятельность языковой личности по объективации явлений действительности и дискретизации окружающего мира определяет ономаσιологическую структуру производного наименования (ОСПН), состоящую из ономаσιологического базиса (ОБ) и ономаσιологического признака (ОП).

ОП как понятие о замеченных и признанных главными вообще или в процессе именовании качествах предмета может быть использован как типологизирующий параметр при установлении типов номинативных единиц. Понятийная сущность ОП делает возможной процедуру его структурирования, состоящую в движении от общих понятий к частным. ОСПН показывает, что ОП может быть представлен как признак обобщенный (ООП), конкретизированный (КОП) и частный (ЧОП). Это детализирует сведения о мотивах появления наименований и сущности номинативной деятельности.

Опираясь на характер ОП, можно провести типологизацию производных однословных и неоднословных субстантивно-атрибутивных словосочетаний, ономаσιологическая структура которых изоморфна. Указанные виды наименований находятся в состоянии амбивалентного взаимодействия, укрепляющего позиции их комплексного рассмотрения. Для сферы старорусской предметной номинации такой подход исключительно продуктивен, поскольку учитывает ее специфику.

Выбор признаков, положенных в основу наименования, не случаен. Определяются концептуально значимые понятия, которые в прошлом служили мотивами при появлении названий и которые не утрачивают своей приоритетной роли и в настоящее время. Это понятия действия, объекта, принадлежности, числа и времени, места.

Методология и методы проведенного исследования. Методологической основой диссертационного исследования является рассмотрение языка в гносеологической триаде «объективная действительность – мышление – язык». В зависимости от конкретных задач, решаемых на определенных этапах исследования, использовались различные методы. Основным из них является метод типологической характеристики языковых единиц, состоящий в расчленении системы объектов и их группировки с помощью обобщенной модели или типа. Использовались также методы номинативно-деривационного моделирования, словообразовательного и компонентного анализа. С целью установления продуктивности типов наименований в диссертации широко привлекаются количественные показатели.

Научная новизна и значимость полученных результатов. Научная новизна состоит в том, что впервые в исторической славистике предлагается комплексная характеристика типов предметных наименований старорусского делового языка. Эта характеристика впервые осуществлена с использованием предложенной автором теории, основу которой составляет положение об исключительной значимости ономаσιологического признака в структуре вторичных названий и в изучении типов производных однословных, неоднословных субстантивно-атрибутивных, а также фразеологических наименований неидиоматического вида.

Язык старорусской деловой письменности впервые оценен как объект исторической ономаσιологии. Рассмотрена категория предметности и предложена ее трактовка, которая оказывается пригодной для историко-лингвистических исследований. Впервые последовательно проанализировано соотношение слова и словосочетания в сфере предметной номинации старорусского делового языка, определена роль субстантивно-атрибутивных наименований как пропозиционных структур при возникновении производных универбов.

Рассмотрены проблемы мотивации производных наименований, на конкретном материале доказано, что полимотивированность по сути является облигаторным фактором номинативной деривации.

Впервые ономаσιологический признак производных наименований использован как основа их типологической систематизации, он структурирован, т.е. изучен как понятие в деталях, его составляющих. Через определение типов названий выявлены концептуально значимые для продуцирования на-

именований понятия, доказана их определяющая роль в номинативных процессах прошлого и настоящего.

Выработаны приемы установления ономаσιологического признака производного наименования путем анализа номинативного суждения, сущность и назначение которого как инструмента познания ономаσιологической структуры впервые квалифицированы автором.

Система предметной номинации, зафиксированная старорусским деловым языком, в первый раз рассмотрена как соединение универбов, субстантивно-атрибутивных бивербов и устойчивых словосочетаний с разной степенью фразеологизации. Их типологизацию с использованием единого параметра, характера ономаσιологического признака, следует расценивать как приоритетное достижение настоящего исследования.

Практическая значимость полученных результатов. Основные положения и выводы диссертационного исследования, а также систематизированные, обобщенные и интерпретированные фактические сведения могут быть использованы в теоретических работах и практических пособиях по ономаσιологии, номинативной деривации, историческому словообразованию, исторической лексикологии, истории русского литературного языка, современной и исторической фразеологии; при написании учебных пособий по исторической грамматике; при чтении вузовских курсов по общему языкознанию, современному русскому языку, спецкурсов по языковой номинации, словообразованию и номинативной деривации.

Разработанные в диссертации теоретические основы типологического описания производных предметных наименований могут найти применение при изучении номинативных средств русского языка других периодов его развития, русских говоров, а также процессов номинативной деривации других славянских и неславянских языков и их диалектов.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту.

1. Старорусский деловой язык как одна из письменных стратегий XV – XVII вв. может служить объектом для изучения проблем номинации в историческом аспекте. Он зафиксировал уникальную по объему и составу систему номинативных средств; тексты памятников позволяют анализировать процессы номинативной деривации полно и всесторонне, учитывая реальные мотивационные связи универбов и бивербов. Широкая представленность однословных атрибутивно-субстантивных наименований открывает большие возможности для решения проблемы соотношения слова и словосочетания в номинации.

2. Предметность – реально существующая категория референтных и безреферентных наименований, противопоставленных наименованиям предикативным. Предметными можно считать единицы, которые непосредственно и самостоятельно называют предмет в широком смысле слова, обес-

печивают возможность мыслить предметно, в форме названий, именуют явления действительности, воспринимаемые носителем языка как предметы и как предметы существующие в сознании языковой личности. Наименования лиц по профессии и роду занятий можно считать предметными наименованиями.

3. Слово и субстантивно-атрибутивное словосочетание в номинации как системе и номинации как процессе тесно связаны отношениями амбивалентного характера, которые в языке старорусской деловой письменности особенно отчетливо обнаруживаются, делая естественным и целесообразным их комплексное рассмотрение с применением тех приемов и способов анализа, которые используются при изучении производных номинативных единиц.

4. Производное наименование при своем возникновении может активизировать не один, а несколько участков вербального пространства, поэтому полимотивированность, как и существование мотивационных полей, следует считать облигаторным свойством номинативной деривации.

5. Ономаσιологический признак как часть ономаσιологической структуры производного наименования может быть использован в качестве типологизирующего параметра в системном описании предметных имен. Инструментом его обнаружения является номинативное суждение, представляющее собой вербализованную схему отношения денотата (референта) и сигнификата (интенционала) с именем. Тексты старорусских памятников письменности содержат показания языкового сознания, помогающие формулировать номинативное суждение и устанавливать через его анализ привлеченный к именованию признак.

6. Ономаσιологический признак, представляющий собой понятие о выявленном, замеченном и признанном значимым свойстве именуемого предмета, может быть структурирован в виде составляющих его понятий, расположенных в направлении от общего к частному. Квалификация соответственно обобщающего, конкретизированного и частного ономаσιологического признака (ООП, КОП, ЧОП) детализирует представление о мотивах появления наименования, ходе речемыслительных процессов в номинативной деривации.

7. Производные предметные наименования, к числу которых следует отнести универбы, субстантивно-атрибутивные бивербы, субстантивно-атрибутивные фразеологические и фразеологизированные единицы, обладают изоморфной ономаσιологической структурой. В качестве ономаσιологического базиса в них выступают аффиксы, базовые слова, субстантивные компоненты, в то время как ономаσιологический признак заключен в безаффиксной части слова, атрибутивном компоненте биверба или фразеологизма. Определенная часть имен собственных, восходящих к онимизированным апелляциям, тоже может быть подвергнута полноценному ономаσιологиче-

скому анализу, поскольку такие онимы проецируют ономаσιологическую структуру породивших их имен нарицательных.

8. Предметные наименования, зафиксированные старорусским деловым языком, возникали чаще всего с опорой на признак по действию, объекту, принадлежности, числу и времени, месту. Устанавливаемые агентивный, объектный, посессивный, нумерально-темпоральный и локативный типы являются продуктивными и образуют типологию предметных имен.

9. В процессах старорусской номинативной деривации возникновение предметных универбов осуществлялось с использованием таких деривационных средств, как суффиксация, конфиксация, основосложение + суффиксация, семантическая конденсация.

10. Фразеологические наименования неидиоматического характера, а также фразеологизированные средства могут быть рассмотрены как производные единицы. В системе старорусской предметной номинации они образуют особый тип наименований, поскольку наблюдается семантическая транспозиция атрибутивного компонента. Мотивы возникновения названия при этом устанавливаются, провести анализ ономаσιологической структуры можно.

Личный вклад соискателя. Диссертация является целиком самостоятельной работой, в которой автором разработаны оригинальные теоретические основы типологического описания системы старорусской предметной номинации, осуществлено изучение и описание установленных типов наименований. Впервые в исторической славистике в качестве типологизирующего параметра использован характер ономаσιологического признака производного имени; универбы, субстантивно-атрибутивные бивербы и аналогичные устойчивые единицы рассмотрены с единых позиций.

Апробация результатов диссертации. Основные итоги и теоретические положения диссертации обсуждались и получили положительную оценку на многочисленных международных конференциях: «Актуальные проблемы исторической и диалектной лексикологии русского языка» (Вологда, 1988); «Белорусско-русско-польское сопоставительное языкознание, литературоведение и культурология» (Витебск, 1997, 2000, 2003); «Язык, слово, действительность» (Минск, 1997, 2000); «Проблемы языка и литературы и методики их преподавания» (Минск, 1997); «Словообразование и номинативная деривация» (Гродно, 1998, 2000, 2003); «Валентностная грамматика в структурном и коммуникативном аспектах» (Могилев, 1998); «Национально-культурный компонент в тексте и языке» (Минск, 1999); «Актуальные проблемы славянской фразеологии» (Гомель, 1999, 2001); «Русский язык в изменяющемся мире» (Минск, 1999); «От слова к тексту» (Минск, 2000); «Беларускае асветніцтва: вопыт тысячагоддзя» (Минск, 2000); «Актуальные проблемы исследования языка и речи» (Минск, 2001); «Проблемы изучения и

преподавания русского языка в школе и вузе» (Нежин, Украина, 2001); «Русский язык: система и функционирование» (Минск, 2002); «Язык и социум» (Минск, 2000); «Кирилл и Мефодий: духовное наследие» (Калининград, Россия, 2002); «Культура мовы і грамадства» (Минск, 2002); Шестой Международной конференции Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов «Проблемы теории и истории славянского словообразования» (Минск, 2003).

Опубликованность результатов. Основные итоги исследования изложены в монографии, одном словаре, 22 научных статьях, опубликованных в рецензируемых периодических изданиях и сборниках научных трудов, 24 материалах и тезисах международных научных конференций, в том числе в зарубежных – 3. Общий объем публикаций составляет более 500 страниц.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из перечня условных обозначений, общей характеристики работы, трех глав, заключения, списка использованных источников и двух приложений (списка источников языкового материала и списка использованных словарей и других справочных изданий). В диссертации 16 таблиц. Общий объем исследования 243 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В разделе «**Общая характеристика работы**» обосновывается актуальность исследования, определяется связь работы с крупными научными программами и темами, формулируется цель и задачи исследования, устанавливается объект изучения и предмет. Здесь же излагается рабочая гипотеза, характеризуются методы и приемы исследования, оценивается научная новизна, теоретическое и практическое значение работы, перечисляются основные положения, выносимые на защиту. Приводятся также сведения о личном вкладе соискателя в решение выявленной проблемы, апробацию диссертации, опубликованности результатов, структуре работы.

Глава 1 диссертации «**Теоретические основы типологии предметной номинации в языке старорусской деловой письменности**» содержит разделы, в которых рассматривается старорусский деловой язык как объект исторической ономазиологии, анализируется категория предметности и ее роль в изучении номинативных процессов, соотношение слова и словосочетания в системе старорусской предметной номинации, проблемы мотивации производных наименований. Проведена разработка и теоретическое обоснование общей концепции типологии предметных наименований, основывающейся на характере ономазиологического признака с использованием процедуры его выявления через анализ номинативного суждения.

Среди многочисленных аспектов изучения языка правовых документов ономазиологический подход является одним из актуальных, поскольку соответствует насущным задачам современной исторической лингвистики, призванной с новых антропоцентрических позиций устанавливать особенности языкового развития и реализовывать заключенный в них объяснительный потенциал. Рассмотрение производных предметных наименований с синхронно-диахронических позиций представляет исключительный интерес, поскольку дает возможность судить о состоянии номинативной системы на определенном этапе исторического развития, выявлять общие закономерности номинативной деятельности языковой личности в прошлом и в настоящем.

Известное жанровое разнообразие памятников правовой письменности не становится препятствием при изучении номинативных процессов и предоставляет возможность привлекать к рассмотрению разнообразные по тематической принадлежности производные предметные наименования. Это названия лиц, документов, земельных угодий, лесов, зарослей, различных пошлин и плат, построек, продуктов питания, блюд, предметов быта, одежды, обуви, посуды, приспособлений и устройств, единиц измерения площади, веса, объема, а также средства именованья животных, их детенышей, использовавшихся мехов и шкур, орудий труда, частей конской упряжи и некоторые другие единицы. Всего к исследованию привлечено почти 25 тематических групп. Такое разнообразие предметных номинативных средств в состоянии обеспечить полноценное изучение процесса номинации и его результатов. Диалектный компонент старорусского делового языка не имел заметного влияния на состав названий.

Своеобразие номинативной системы делового языка заключается в том, что она состояла не только из однословных наименований, но и большого количества соотносимых с ними субстантивно-атрибутивных бивербов, «серийных выражений» (Л.Я.Костючук), зачастую функционировавших параллельно с универбами. Это позволяет проследить взаимодействие слова и словосочетания в процессах номинации.

Тексты старорусских документов представляют несомненную ценность в плане фиксации в них показаний языкового сознания (О.И.Блинова). Особенности стиля, стремление к понятности и однозначности толкования, связь с живой речью дают возможность проследить мотивы возникновения вторичных предметных наименований, выявлять те связи между производящим и производным, которые существовали в сознании носителей языка и сказывались на продуцировании номинативных единиц при удовлетворении номинативных запросов, дискретизации действительности.

Объектом исследования стали предметные наименования, поэтому возникла необходимость осознания самой категории предметности. Категорию предметности в лингвистическом смысле образуют референтные и безрефе-

рентные названия, противопоставленные названиям предикативным. Вся совокупность предметных имен неоднородна по составу, ее центр образуют названия реальных предметов. Однако если имя выполняет номинативно-репрезентативную функцию, имеет сигнификативную соотнесенность, т. е. является средством обобщения, замещения и представления предмета, оно может считаться предметным. Так как предмет является одной из основных категорий членения мира (П.А.Флоренский, А.Ф.Лосев, Д.И.Руденко), в естественном языке имена, не обозначающие реальных физических референтов, обычно являются вполне значимыми, осмысленными и вряд ли отличаются от имен, соотнесенных с реальными предметами. Это значит, что процедура дискретизации действительности, отраженная в языке и связанная прежде всего с присвоением имени, далеко не всегда подразумевает ощущение субстанциональности, эта субстанциональность может подразумеваться. Следовательно, *предметными можно считать единицы, которые непосредственно и самостоятельно называют предмет в широком смысле слова, обеспечивают возможность мыслить предметно, в форме названий, именуют явления действительности, воспринимаемые носителем языка как предметы и как предметы существующие в сознании языковой личности.* Производные наименования лиц по роду занятий, профессии и подобным признакам, связанным с понятием действия, нет оснований исключать из состава предметных имен, поскольку они имеют референтную соотнесенность, выраженную субстанциональность, типичные для таких единиц грамматические свойства.

Предметные наименования могут быть универбальными и бивербальными. Ближе всего к производным универбам стоят субстантивно-атрибутивные словосочетания, которые возникают в ответ на номинативный запрос, когда базовое имя не обеспечивает экспликацию новых выявленных свойств поименованного им предмета (*ряд – лапотный ряд, охотный ряд, мясной ряд, молочный ряд*). Такие названия следует считать номинативными единицами, несмотря на то, что атрибутивный компонент называет атрибут предмета. Атрибут и его предмет представляют собой единый экспонент денотата, атрибут есть часть общего с определяемым им субъектом или объектом восприятия (А.А.Шахматов). Неоднословные субстантивно-атрибутивные наименования образовывали так называемые серии (Л.Я.Костючук). В среднем одно базовое имя в старорусском деловом языке могло входить в состав более чем двенадцати бивербов.

Анализ свойств производного однословного наименования и соотносимого с ним субстантивно-атрибутивного словосочетания показывает, что ономаσιологическая структура этих единиц изоморфна. Ономаσιологический базис (ОБ) эксплицирован в универбах аффиксами, в бивербах – базовым именем; ономаσιологический признак (ОП) выражает неаффиксная часть универба и атрибутивный компонент биверба (ср.: *загонный человек* –

загон-щик, луковый пирог – луков-ник, лук-овник). Если наименование возникало вследствие семантической конденсации конверсивного типа (*портной швец → портной*), ОБ редуцировался до нуля. Слова и соответствующие им субстантивно-атрибутивные наименования находятся в старорусском языке в отношениях амбивалентного характера, которые делают целесообразным их комплексное рассмотрение с применением одних и тех же приемов и способов анализа.

Изучение проблемы мотивации производного наименования в языке старорусской деловой письменности доказало принципиальную возможность ее множественности, так как возникновение нового имени может активизировать не один, а несколько участков вербального пространства. Есть основания считать, что существуют мотивационные поля, представляющие собой совокупность единиц, однокоренных с производным словом. Эти слова представлены в номинативном суждении и могут с одинаковой степенью вероятности быть производящими для производного имени (ср.: *работник – это работный человек или тот, кто работает, выполняет работу; лучник – это тот, кто изготавливает луки, лучный мастер или мастер лучного дела*).

Проблемы типологии номинативных единиц неоднократно рассматривались различными исследователями (Е.С.Кубрякова, И.С.Улуханов, В.Г.Гак, Н.Д.Арутюнова, А.А.Уфимцева и др.), однако поиски альтернативных возможных типологий продолжаются и остаются актуальными. Об этом можно судить по исследованиям В.Н.Телия, Д.С.Сетарова, Л.А.Шкатовой, В.К.Павела, М.Э. Рут и др. Разработанная типология опирается на анализ ономаσιологической структуры производного наименования (ОСПН) и учитывает в качестве типологизирующего параметра характер ономаσιологического признака (ОП). Именно он обнаруживает концептуальные приоритеты носителей языка в прошлом и настоящем, позволяет проследить, какие свойства предметов оказываются чаще всего замеченными, эксплицированными в номинативных единицах, как происходит движение от смысла к способам его языкового выражения.

В процессе номинативной деятельности и присвоении имени у именованного предмета отмечен и признан за основной (постоянный или значимый только в момент именованья) признак. Это и есть ономаσιологический признак производного слова (ОП). Если признать, что ОП в процессе предметной номинации уточняет основное содержание обозначаемого, ограничивая его и конкретизируя, правомерной окажется попытка установить, как осуществляется это уточнение, есть основания структурировать ОП. Такое структурирование может быть предпринято с помощью элементарных логических представлений об общем и частном. Возьмем для примера три группы слов: (1) *сельчанин, горожанин, полочанин*; (2) *осинник, ельник, березняк*; (3) *учитель, писатель, строитель*. Лица, названные именами первой группы получили свои наименования в зависимости от того, где они проживают (от места

жительству). Слова второй группы поименовали места в зависимости от того, какие деревья на них растут (от предметов произрастания), а слова третьей группы назвали лиц по действию, ими совершаемому. Тогда для слов группы можно выделить ОП, являющийся обобщенным указанием на понятие, соотносимое с обозначенным понятием: место, предмет, занимающий пространство, действие. Назовем такой ономаσιологический признак обобщенным (ООП). Однако, например, место – это не только место проживания, но и расположения, службы, работы, пребывания и т. п. Это может быть квалифицировано как конкретизированный ономаσιологический признак (КОП). Признак, непосредственной возводящий производное слово к другому имени (предмету), является частным (ЧОП): *таможенник* – это тот, кто работает в *таможне*, местом (ООП) его работы, службы (КОП) является *таможня* (ЧОП); *заречье* – то место, которое расположено *за рекой*, место с местом (ООП) расположения (КОП) *за рекой* (ЧОП); *сапожник* – это тот, кто изготавливает *сапоги*; объект (ООП) действия (КОП) *сапоги* (ЧОП). Предложенные пути структурирования ономаσιологического признака позволяют представить ономаσιологический состав производного наименования в виде следующей схемы: ОСПН = ОП (ООП ↔ КОП ↔ ЧОП) + ОБ.

Таким образом, выделяемые нами составляющие ОП представляют собой не что иное, как цепочку связанных между собой понятий, расположенных в определенной последовательности от более общего к более частному и являющихся мотивирующими по отношению к производному имени.

Предлагаемый подход к анализу ОП, в качестве которого могут выступать любые атрибуты действительности, дает возможность установить, какой из многочисленных признаков предмета взят за основу его обозначения, а также определить степень их значимости в процессах номинации. При этом очевидно, что в представленной таким образом ОСПН отчетливо выражены различные этапы движения в акте номинации от общего к частному, от ОБ до ЧОП: ОБ относит поименованное к определенной категории, в то время как ЧОП указывает на его связь с другим конкретным референтом.

В любом ли производном предметном наименовании возможно вычленение всех трех составляющих ОП (ООП, КОП и ЧОП)? Ответ на этот вопрос зависит в основном от того, что считать КОП, т.е. ономаσιологическим признаком, средним между обобщающим и частным. Мы склонны полагать, что конкретизирующую составляющую можно обнаружить в большинстве наименований. Например, универб *подпол* называет место по месту (ООП) его расположения (КОП) *под полом* (ЧОП); универб *бочечник* называет человека так потому, что *бочка* (ЧОП) объект (ООП) его действия (КОП) и т. д. Предлагаемое структурирование ОП позволяет более детально представить сущность предметного наименования в его отношениях с другими предметами и явлениями действительности.

Наши наблюдения показывают, что на основе ономаσιологического признака и его составляющих можно выделить определенные типы производных предметных наименований. Анализ более 6000 старорусских предметных наименований (однословных и неоднословных) показал, что актуальными и для автономных, и для неавтономных единиц оказываются такие признаки: агентивный, объектный, посессивный, нумерально-темпоральный, локативный.

В построении предлагаемой нами типологии предметной номинации немаловажной оказывается процедура выявления, анализа и квалификации ономаσιологического признака, а также группировка наименований по его сходству. Установить этот признак можно для каждого производного наименования, попытавшись воссоздать по предложенной выше схеме номинативное суждение. Его анализ позволяет обнаружить ОП и оценить его сущность. Приведем несколько примеров. (1) *Торговец* – торговый человек; тот, кто торгует, занимается торговлей. (2) *Опасчик* – тот, кого послали за опасной (охранной) грамотой. (3) *Зарядье* – место, расположенное за рядами (торговыми). (4) *Дворище* – место, на котором раньше был двор. (5) *Бобылиха* – та, которая является женой бобыля. (6) *Мостовщина* – пошлина за проезд по мосту. (7) *Колодница* – место, помещение, в котором содержали колодников. Далее основные исследовательские усилия должны быть направлены на то, чтобы выявить в номинативном суждении наиболее значимую информацию, соотносимую с ономаσιологическим признаком. Несложно установить, что *торговец* получил свое название по выполняемому им действию (агентивный признак), как и аналогичные *ловец*, *отравитель*, *приемщик* и им подобные. *Зарядье* названо так в зависимости от места расположения, *дворище* – в зависимости от того, что раньше располагалось на этом месте, *мостовщина* – в зависимости от места, за проезд по которому эту плату взимали (локативный признак у всех трех наименований). *Бобылиха* стала называться так в зависимости от принадлежности (посессивный признак). Однако процедура анализа номинативного суждения не всегда оказывается простой. *Опасчик* и *опасная (грамота)* связаны деривационными отношениями, но какой ОП имеет приведенное наименование лица? В предложенной нами терминологии у этого слова объектный ООП. *Опасчик* – это тот, кого послали, отправили, направили за *опасной грамотой*; тот, кто должен принести, доставить *опасную грамоту*. Наиболее важным в любом варианте НС оказывается информация о необходимости названному лицу совершать действие и указание на объект этого действия. Следовательно, объектный ОП включает в себя ООП по объекту и КОП – объект действия.

Таким образом, выявление характера привлеченного в именование признака, его квалификация и структурирование возможно, возможно и определение на этой основе типов производных наименований.

ОП можно установить, проанализировав номинативное суждение (НС), которое представляет собой вербализованную схему возникновения рассматриваемых имен. Так, наименования *ельник, ведерник, сахарница, курятник* возникли соответственно по схемам: *X – это то (место), (где растет) что;* *X – это (человек), который (изготавливает, производит) что;* *X – это (посуда, емкость), в которой (хранится) что;* *X – это (помещение), в котором (содержится) кто.* Очевидно, что в номинативном суждении наиболее значимая для мотивации производного наименования информация – упоминание объекта окружающего мира. В обобщенном виде представить НС для наименований объектного типа достаточно сложно, примерно оно может выглядеть как объяснение: *X назван так потому, что связан с объектом Y.*

НС следует считать инструментом познания мотивов возникновения производного наименования и особенностей его ономаσιологической структуры. Это как микроскоп и предметное стекло, которые помогают рассмотреть строение живой материи, но не анализируют закономерностей строения, поскольку для такого анализа не предназначены.

Информация, составляющая суть НС, может быть передана разными словами и разными синтаксическими конструкциями. Так, НС к слову *перевозчик* может быть представлено в нескольких видах: *это тот, кто перевозит;* *это тот, кто осуществляет перевоз;* *человек, перевозящий что-то.* В какой бы форме ни была передана информация о том, почему человек так назван, агентивная сущность наименования выявляется через глагол *перевозить*, девербатив *перевоз* или причастие *первозящий*. Наиболее оптимальной формой НС является, скорее всего, конструкция с придаточным определительным предложением, которая для предметных наименований может выглядеть так: *X – это то / та / тот, которое (-ая, -ый) какво (-ва, -ов) или делает что, где, чем.* НС по сути содержит как бы два блока информации, соотносящиеся с ОСПН. С ономаσιологическим признаком соотносится та часть НС, в которой содержится указание на свойство предмета, оказавшееся важным для именованного. К ней можно применить известный в ономаσιологии термин «отсылочная часть» (Е.С.Кубрякова).

Немаловажным представляется учет характера деривационных средств, используемых в процессе номинации. Являясь способом экспликации ономаσιологического базиса, аффиксы выражают категоризационную деятельность языковой личности при именовании предметов окружающей действительности. Учет этих аффиксов позволит соотнести их с характером ономаσιологического признака и его составляющих. Более того, таким образом можно установить, какие по значению группы предметных наименований возникали с привлечением того или иного признака и какие деривационные средства использовались в качестве базисов при этих признаках. Так, к локативному типу предметных наименований (предметы получили названия в за-

висимости от места своего расположения, пребывания, проживания и т. д.) в старорусском деловом языке относились названия людей (*сельчанин, побережанин, околородец, псковитин* и др.), мест (*заозерье, приселье, пристенок, надпогребник, передбанник*, и др.), пошлин и штрафов (*мостовщина, помостовщина, подымное* и др.). Локативному признаку соответствуют суффиксы *-анин-, -итин-, -ец-*, конфиксы *за-...-j-, при-...-j-, по-...-j-, перед-...-ник-* и др.

Словосочетание, как и слово, можно развернуть до номинативного суждения для того, чтобы установить пути возникновения наименования и характер привлеченного признака. Например, *свозчик – тот, кто возвращает, свозит обратно беглых крестьян; сахарник – тот, кто торгует сахаром; отсрочная, отсрочная челобитная – челобитная с просьбой об отсрочке, с просьбой отсрочить*. Всякий раз привлеченные в именовании признаки разные. Применяв комплекс характеристик, получаем типы наименований. Тогда *свозчик* наименование универбальное, агентивно-субъектное с ономасиологическим базисом *-чик-* (ср. однотипные: *ответчик, доводчик, приказчик, окладчик, закладчик*); *сахарник* – универбальное, объектное с ономасиологическим базисом *-ник-* (ср. однотипные *кувшинник, бахромник, ложник*); *отсрочная* – универбальное, агентивно-бессубъектное, конденсированное; *отсрочная челобитная* – бивербальное, агентивно-бессубъектное, с базисом *челобитная*; *пошлина меховая* – бивербальное, объектное, с базисом *пошлина* и т. д.

Использование механизма анализа номинативного суждения как средства выяснения характера признака, положенного в основу именованя, возможно только при учете свойств этого суждения. Его гипотетичность, подкрепленная контекстом или семантикой слова (словосочетания), не может препятствовать стремлению объективно оценить путь возникновения наименования. Наблюдения показывают, что в пределах номинативного суждения упомянутый признак достаточно последовательно выявляется.

Предложенная теория типологической характеристики предметных наименований обладает большой разрешающей способностью. Утверждение о том, что признак, по которому явление действительности получило свое название, во многом случаен и непредсказуем, не может в данном случае служить препятствием. Оказывается, что привлекаемые признаки не только могут быть определены, но и квалифицированы как типичные. В этом обнаруживаются закономерности познавательной и оценочной деятельности человека, а также концептуальная значимость определенных понятий. Собранный нами языковой материал свидетельствует о том, что наиболее часто предметные наименования возникали с опорой на признак по действию (агентивный), по месту (локативный), по принадлежности (посессивный), по объекту (объектный), по числу и времени. Отсюда и соответствующие типы производных названий. Исследование производных наименований показало, что наиболее типичными ономасиологическими признаками в старорусской номинативной

деривации были агентивный, объектный, локативный, посессивный и нумерально-темпоральный.

Одним из основных выводов исследования является утверждение о том, что система старорусской предметной номинации включала в себя универбальные средства наименования, бивербальные, к которым относились субстантивно-атрибутивные словосочетания. Их можно рассматривать как вторичные неавтономные наименования, поскольку в его возникновении задействована комбинаторная техника. Отсюда следует, что производные универбы и бивербы указанного типа целесообразно анализировать как компоненты единой системы предметных наименований, а применение в качестве типологизирующего параметра признака, положенного в основу именования, позволит установить их типы.

Особенности системы предметной номинации, отразившейся в языке правовой письменности, позволяют провести изучение того, как в пределах этой системы взаимодействуют слово и словосочетание. Двухсловные наименования субстантивно-атрибутивного типа называли в основном документы (около 20 % от общего количества), людей (около 20 %), места (около 15 %), пошлины (около 15 %) и некоторые другие предметы. Достаточно определенно вырисовывается круг базовых имен, т.е. тех слов, на основе которых чаще всего возникали субстантивно-атрибутивные бивербы. Нами были проведены подсчеты, позволяющие судить о количестве бивербов и соотношении их с базовыми единицами. Результаты подсчетов для большей наглядности представим в таблице 1.

Таблица 1. Соотношение бивербов и ставших их основой базовых имен

Тематич. группы названий	1	2	Наиболее типичные базовые имена
Названия документов	415	27	<i>Грамота, память, книга, лист, список, запись, выпись, роспись, челобитная</i>
Названия лиц	403	40	<i>Люди, человек, мастер, крестьянин, голова, боярин</i>
Названия мест	294	25	<i>Палата, двор, приказ, место, деревня, слобода</i>
Названия пошлин	272	22	<i>Пошлина, деньги, оброк, дань</i>

Примечание. 1 – количество бивербов данной тематической группы; 2 – количество базовых имен, на основе которых соответствующие бивербы возникли.

В таблицу включены сведения о наиболее частотных бивербах. Они указывают, что на 1384 биверба приходится 114 базовых имен. Это значит, что в среднем одно базовое слово может входить в состав более чем 12 неоднословных наименований.

Типологическое описание производных наименований охватывает и часть имен собственных. Тотальное привлечение ономастического материала к проводимому исследованию невозможно и нецелесообразно. Уместным оно нам кажется в тех случаях, когда в имени собственном отражены общие с именами нарицательными номинативные механизмы и деривационные связи. В этом смысле особенно существенным является, на наш взгляд, подтверждение в именах собственных концептуальной значимости тех или иных признаков, привлекаемых в именовании в системе апеллятивов. Присвоение собственного имени – особый вид деятельности языковой личности, продиктованный общественной необходимостью различить однородные объекты, а различить их можно только обратив внимание на их реальные признаки или условившись об их наличии.

Следует указать также, что имена собственные составляют особый пласт номинативных средств языка вообще и старорусского делового языка в частности. Содержание документов подразумевало использование большого количества антропонимов (фамилий, имен, прозвищ, реже отчеств) и топонимов. Среди топонимов находим и много таких, которые называли мелкие реки, озера, пустоши, леса, дороги, поля (микротопонимы). Это крайне ценный материал, во многом утраченный к настоящему времени, а потому заслуживающий особого внимания.

Таким образом, в главе 1 изложены выработанные автором исследования теоретические основы типологической характеристики старорусских предметных имен.

В главе 2 «**Типы производных предметных наименований в языке старорусской деловой письменности**» проанализировано пять основных установленных типов вторичных имен: агентивный, объектный, посессивный, нумерально-темпоральный и локативный. Названия типов определил характер ономастиологического признака, положенного в основу именованья, а значит, и характер понятий, использованных в качестве мотивирующих при возникновении производных предметных универбов и субстантивно-атрибутивных бивербов. Совокупность типов свидетельствует о том, что концептуально значимыми при мотивации наименований были понятия действия, объекта, принадлежности, числа и времени, места. Эти понятия сохранили свою приоритетность и в дальнейшем. Вся совокупность производных предметных наименований старорусского делового языка наиболее часто имеет в своей ономастиологической структуре ономастиологический признак по действию, по месту, по принадлежности, по объекту окружающего мира, по числовой и временной отнесенности.

Характеристика каждого типа начинается с оценки концептуальной значимости задействованных в процессе номинативной деривации мотивирующих понятий. Оказывается, что установленные понятия (действие, объект, принадлежность, место, время и число) являются, по оценке современных когнитологов, ведущими в универсальных концептуальных системах.

Далее составляющие тип наименования рассматриваются с точки зрения схемы их возникновения, возможных мотивационных связей. Для этого широко привлекаются текстовые сведения, зафиксировавшие показания языкового сознания (О.И.Блинова) носителей языка. Учитывая общеизвестный факт того, что контекст, в котором употребляется номинативная единица, фиксирует естественный акт номинации (Е.С.Кубрякова), исследуются данные памятников письменности. В текстах находим подтверждение наших предположений о существовании мотивационных полей. Одно из них – «действие / имя по действию → деятель». Вот примеры, зафиксировавшие глагольную (действенную) мотивацию: *...И наймит будет бить челом и доведет ино тот суд не в суд, наемного доводчика казнити смертию. ЗА,42 (доводить → доводчик). ...Отдельщик Василеи Мозалевский отделил в пусташи... ПЮН-ОК, 323 (отделить → отдельщик). Мотивацию deverbatивом обнаруживают следующие контексты: По дозором разных дозорщиков... убыло. ПРКМП, 49 (дозор → дозорщик). Потому что окладчики про те оклады сказывали за крестным целованием. ПРП,5,461 (оклад → окладчик). Примеров обоих типов можно привести много. Они подтверждают, что обе мотивационные модели существовали в сознании носителей языка и не могли не влиять на характер конкретной мотивации, делая ее множественной.*

При описании типов наименований последовательно проводится структурирование ономаσιологического признака, что позволяет детализировать представления о мотивирующих понятиях, обнаружить переплетение смыслов в процессе номинативной деривации. В тех случаях, когда мотивом при появлении наименований становилось понятие действия, оказалось целесообразным обращение к валентностным характеристикам глагола. Рассмотрим три группы слов: (1) перевозник, проситель, писарь; (2) посол, пленник, прощеник (получивший прощение, освобождение от уплаты налогов); (3) зеркальник, псарь, конюх. К группе (1) применимо такое номинативное суждение: *X – это тот, кто делает что-то (перевозит, просит, пишет)*; к группе (2): *X – это тот, с которым или которому сделали что-то (послали, пленили, простили)*; к группе (3): *X – это тот, кто изготавливает что или ухаживает за кем*. Видно, что наименования первой группы представляют собой *nomina agentis*, поэтому факт привлечения агентивного признака налицо, причем поименованные сами являются исполнителями действия, т. е. его субъектами. В названиях второй группы выявляется признак по действию, однако определенно его исполнитель не устанавливается. Приведенные обстоятельства важны для различения того, является ли

названный предмет (лицо) деятелем или пациенсом. В предложенном нами способе анализа наименований, когда во внимание принимается мотивация понятия, этот факт не имеет решающего значения. Важно то, что в качестве положенного в основу названия признака использован признак по действию.

Что касается единиц третьей группы, то вопрос о значимости такого признака в их ономаσιологической структуре трудно решить однозначно. Очевидно, что универбы типа *бочечник, ведерник, бахромник* называют лиц, изготавливающих соответственно *бочки, ведра, бахрому*. Факт действия, носящего креативный характер, налицо. Однако в механизме номинации решающей оказывается связь поименованного с продуктом действия, равно как и в случаях с названиями типа *конюх, псарь, сокольник*, когда название связано с объектом действия, а не непосредственно с действием. К агентивному типу предметных наименований мы относим те единицы, в мотивации которых решающим оказывается действие, подразумевающее исполнителя (левые актаны), но не его объект (правые актаны).

Удалось установить, что в **агентивных** единицах действия были в основном связанные с передвижением в пространстве (*бежать, ездить, ходить, плыть*); действия, характеризующие различные манипуляции с имуществом (*дать, взять, заложить, купить, продать, отписать, отвести, отдать, передать, делить, менять*); действия преступного характера (*разорвать, разбивать, ранить, бить, убивать, обижать, оговаривать*) и др. Среди **объектных** наименований чаще всего используются в качестве мотивирующих понятия объекта креативной деятельности, оснащения, произрастания, сырья или материала для изготовления.

Нумерально-темпоральные единицы свидетельствуют о том, что в старорусской номинации как процессе свою роль играли признаки предметов, связанные с их количественной характеристикой. Чаще всего значимыми оказывались числовые показатели в пределах первого десятка, значительно реже – понятия десятков, сотен, тысяч. Темпоральный признак нечасто становился значимым при именовании предметов, поэтому слов, восходящих к названиям времен года, частей суток, немного. Среди наименований **посесивного** типа чаще всего востребовался признак по принадлежности лицам, и в особенности лицам правящей верхушки, чинам духовенства, социальным верхам, группам лиц, реже – учреждениям. В **локативных** именах задействовано понятие места жительства, расположения, нахождения.

Самым значительным обобщением в ОСПН является, как известно, ОБ, выполняющий категоризирующую функцию. Понятие, стоящее за ОБ, относит поименованный предмет к определенной категории номинативных единиц как способов именованности предметов, признаков, действий и так далее. Конкретизируя ОБ, ОП обладает своей степенью обобщения. Приведем схе-

мы структурирования для всех пяти проанализированных ОП, указывать ЧОП не будем, поскольку он соотносится с определенным словом и понятием.

1) **Агентивный ОП.** ООП *по действию*, КОП *по действию субъектному, бессубъектному.*

2) **Объектный ОП.** ООП *по объекту*, КОП *по объекту произрастания, содержания, хранения, изготовления, использования, вооружения, оснащения.*

3) **Посессивный ОП.** ООП *по принадлежности*, КОП *по принадлежности лицу, животному, группе лиц, учреждению.*

4) **Локативный ОП.** ООП *по месту*, КОП *по месту расположения, работы, службы, проживания.*

5) **Нумерально-темпоральный ОП.** ООП *по числу, времени*, КОП *по числу прожитых лет, по числу единиц в устройстве, по числу составных частей, по времени службы, по времени налогообложения, по времени существования.*

Процедура структурирования, как и самого установления ОП, является сложной, допускающей различные нюансы. ОП синкретичен, так как стоящее за ним понятие подразумевает соединение в себе различных когнитивных категорий. Препарирование этого сгустка смыслов при помощи НС (номинативного суждения) позволяет вычленивать главное. При этом возможны и другие интерпретации анализируемых понятий и смыслов, однако, как показывает исследование, принципиальная схема представляется нам именно такой.

В главе 2 последовательно привлекаются к анализу имена собственные. Оказывается, что в той или иной степени они представлены во всех продуктивных типах производных наименований. Как правило, это прозвища и / или фамилии, а также различного рода топонимы. Так, онимизированные *nomina agentis* представляют собой единицы типа *Красильщик, Красильник, Мельник, Мыльник, Водовоз, Писарь, Бегун, Каркун* и соотносительные им бывшие прилагательные типа *Красильников, Мыльников, Водовозов, Писарев, Бегунов, Каркунов*. К агентивным следует отнести старорусские топонимы типа *Ведуново, Мерниково, Званцево*, восходящих в принципе к именам лиц, названных по действию, но с реализованной на этапе онимизации идеей посессивности. Такие антропонимы, как прозвища и фамилии типа *Бортник, Баранник, Банник, Блинник, Бочар, Бочарник, Гребенник, Дегтярь, Зелейщик, Золотарь, Иконник, Калачник, Колашник, Ложник, Масленик, Рыбник, Ситник, Овчинник, Овсянник, Пирожник, Пушкарь, Чеботарь* следует квалифицировать как объектные имена.

Памятники письменности дают возможность считать, что подобные наименования не называли человека по роду его деятельности, а служили прозвищами и / или фамилиями. Так, читаем: *Да ис кобацких целовальников Саву Пирожника дав на поруку... ПЮН-90, 72, 2. Таво ж числа приехал ис Курска воро-*

напской жалец Василеи Сальник, товару у него бочка масла да бочка сельдеи. ПЮН-ТК, 4, 7.

К наименованиям локативного типа могут быть отнесены такие названия сел, деревень, пустошей: *Заболотье, Заречье, Залесье, Залужье, Заполье, Заполица, Задорье, Задонье, Завражье, Загорье, Запрудье* и конверсивные *Заборное, Завражное, Загорочное, Задорожное* и др.

Изучение тематического разнообразия собранных названий указывает на абсолютное лидерство наименований лиц. Человек, давая имена явлениям окружающей действительности, активно именовал и себя, запечатлевая в названиях многообразие своих социальных ролей. При этом homo sapiens в языке деловой письменности – это прежде всего деятель, исполнитель разнообразных действий, в том числе и креативного характера: *жалобщик, разбойник, пахарь, бочечник, бахромщик, сапожник* и т. д. Разнообразие окружающего мира тоже нашло свое отражение в системе вторичной номинации. Имена получало все, что человек считал значимым и важным. Представим обобщенные сведения об этом в таблице 2.

Таблица 2. Тематические группы наименований и их представленность в выявленных типах предметных имен

ТИП					
Тем. гр.	АТ	ОТ	ЛТ	НТТ	ПТ
1	+	+	+	+	+
2	+	–	+	–	+
3	+	–	–	+	–
4	+	+	+	–	+
5	+	+	+	+	+
6	+	+	+	+	–
7	+	+	+	+	+
8	–	+	–	–	–
9	–	+	+	–	+
10	+	+	–	–	–
11	–	–	–	+	+
12	–	–	–	–	+
13	–	–	–	–	+
14	–	–	–	–	+
15	+	–	–	+	+
16	–	–	+	+	–
17	+	–	+	–	+
18	+	–	–	–	+

Примечание.

1. 1 – наименования лиц; 2 – наименования документов; 3 – наименования устройств, приспособлений, орудий труда; 4 – наименования кушаний, блюд, напитков; 5 – наименования оброков, плат, штрафов; 6 – наименования предметов одежды; 7 – наименования помещений; 8 – наименования зарослей; 9 – наименования земельных угодий; 10 – наименование емкостей и сосудов; 11 – наименования животных и их детенышей; 12 – наименования мяса животных; 13 – наименования шкур животных; 14 – наименования жен и самок животных; 15 – наименования имущества; 16 – наименования мер объемов, площадей, веса; 17 – наименования мест; 18 – наименования учреждений.

2. АТ – агентивный тип; ОТ – объектный тип; ЛТ – локативный тип; НТТ – нумерально-темпоральный тип; ПТ – посессивный тип.

Предложенная таблица содержит сведения о тематических группах наименований, неравноценных по количественному составу, но отчетливо выделяющихся среди всех предметных наименований. Наиболее типичными для системы номинации старорусского делового языка являются названия лиц, документов, плат и пошлин, земельных угодий, имущества и некоторые другие. Одновременно таблица иллюстрирует лидерство ономаσιологических признаков и мотивирующих понятий. На основании данных таблицы можно сделать вывод о том, что во всей совокупности выделенных тематических групп привлеченные и непривлеченные признаки находятся в состоянии незначительного преобладания привлеченных над непривлеченными: 49 одних и 41 других. Такой баланс может свидетельствовать об определенном равновесии мотивирующих понятий в процессе номинативной деривации.

Однословные и неоднословные субстантивно-атрибутивные наименования по-разному представлены в разных типах наименований. Сведения об этом отражены в таблице 3.

Таблица 3. Соотношение универбов и бивербов в типах предметных имен

ТИПЫ					
Виды имен	АТ	ОТ	ЛТ	НТТ	ПТ
Универбы	=	>	=	>	<
Бивербы	=	<	=	<	>

Примечание.

1. *АТ* – агентивный тип; *ОТ* – объектный тип; *ЛТ* – локативный тип; *НТТ* – нумерально-темпоральный тип; *ПТ* – посессивный тип.

2. Знак = свидетельствует о том, что количество бивербов и универбов в типе приблизительно равно; знак > указывает на преобладание соответствующего вида наименований; знак < указывает на то, что соответствующих наименований в типе меньше, чем конгруэнтных им.

Приведенные в таблице данные показывают, что лишь в двух типах названий (агентивном и локативном) универбальных и бивербальных единиц приблизительно поровну, для остальных характерно преобладание того или иного вида имен. Универбы преобладают в объектном и нумерально-темпоральном типах, бивербы – в посессивном типе. Это говорит о возможностях номинативной системы в способах экспликации мотивирующих и категоризирующих понятий, а также о том, что эти возможности принципиально сбалансированы, по крайней мере, в языке исследуемого периода.

В процессе изучения типов производных наименований вычленены характерные для каждого из них деривационные средства. Сведения об этом представлены в таблице 4.

Таблица 4. Типы наименований и характерные для них деривационные средства

Номинат. тип					
Деривационные средства	<i>АТ</i>	<i>ОТ</i>	<i>ЛТ</i>	<i>НТТ</i>	<i>ПТ</i>
Суффиксация	+	+	+	+	+
Конфигурация	–	–	+	–	–
Основосложение + суффиксация	+	+	+	+	–
Семант. конденс. (субстантивация)	+	+	+	+	+
Другие	+	+	–	+	+

Примечания.

1. *АТ* – агентивный тип; *ОТ* – объектный тип; *ЛТ* – локативный тип; *НТТ* – нумерально-темпоральный тип; *ПТ* – посессивный тип.

2. Знак + означает, что указанное деривационное средство используется в данном типе наименований, знак – означает, что указанное средство преимущественно не используется.

Данные таблицы свидетельствуют о том, что наиболее распространенным способом создания предметных наименований в старорусском деловом языке была суффиксация. Суффиксальные универбы широко представлены во всех типах наименований. Семантическая конденсация или субстантивация также характерна для всех типов, однако таких единиц по сравнению с суффиксальными значительно меньше. Конфигурация активно применялась при возникновении локативных универбов. Содержащиеся в таблице сведения носят обобщающий характер и сообщают о наиболее заметных деривационных путях.

Глава 3 «**Фразеологические и фразеологизированные единицы как особый тип предметных наименований в языке старорусской деловой письменности**» содержит три раздела в которых оценивается роль и место фразеологии в системе языковой номинации старорусского делового языка, анализируются возможности выявления ономаσιологической структуры наименования во фразеологических единицах различных типов.

Здесь же предпринят опыт структурно-ономаσιологического описания устойчивых словосочетаний субстантивно-атрибутивного типа разной степени устойчивости, которые в совокупности с универбальными и соотносительными бивербальными названиями образуют единую систему предметной номинации. Такой выбор объекта определен спецификой системы старорусской предметной номинации, а также тем, что формальное совпадение компонентного состава неоднословных свободных и фразеологических наименований создавало условия для их изучения с единых позиций.

Мы попытались изучить производные слова, субстантивно-атрибутивные словосочетания и указанные фразеологизмы как структурно изоморфные номинативные средства. Сформулированные современным языкознанием представления о свойствах фразеологических единиц, сущности фразеологии, а главное, о гетерогенности корпуса фразеологизмов позволяют рассматривать часть устойчивых словосочетаний как наименования, имеющие внутреннюю форму, ономаσιологическую структуру. Предложенный нами способ анализа этой структуры с целью типологизации названий позволил доказать возможность выявления ономаσιологического признака в большой группе старорусских фразеологических наименований. Такой признак следует считать условным, поскольку переосмысление меняет его понятийную соотнесенность. Устанавливая и называя этот признак, приходится обращаться к смысловому каркасу, к отправной точке генезиса фразеологического наименования. Это обращение, как показывает предпринятый опыт, является продуктивным, поскольку позволяет установить мотивы появления устойчивого словосочетания, а значит, установить его ономаσιологическую структуру. Рассматривалось более 200 единиц типа *деревня черная, земля черная, соха черная, куна черная, корм черный, двор черный, лес черный, люди*

черные, слуга черный, бор черный, проторы черные, запись черная, волость черная, село черное, слобода черная, книги черные, сотня черная, мужи большие, мужи великие, мужи добрые, мужи лепшие, мужи лучшие, князь большой, князь великий, князь высокий, князь лучший, князь лепший, боярин большой, воевода большой, люди лучшие, бояре лучшие, люди добрые, люди большие, люди высокие и др.

Будучи сторонниками широкого толкования объема фразеологии, мы стремились на материале старорусского делового языка доказать, что ономаσιологическому анализу не подвержены только идиомы (фразеологические сращения), все же остальные устойчивые словосочетания в той или иной степени сохраняют связь с породившими их свободными сочетаниями слов. Об этом свидетельствует и тот факт, что одно и то же наименование может выступать как фразеологизм-идиома и как фразеологизированная единица (ср.: *люди добрые – свидетели; люди добрые – законопослушные граждане*). Чем меньше семантическая транспозиция компонентов, тем теснее эта связь, тем отчетливее просматривается ономаσιологический признак, положенный в основу наименования. Этот признак как понятие о замеченном и признанном важным свойстве именуемого предмета в процессе фразеологизации словосочетания претерпевал изменения, состоящие в варьировании смысла, установлении новых ассоциативных связей (например, *белый – чистый, белый, без примесей > свободный от феодальной зависимости, люди белые; большой – значительный по размеру, значимый > знатный, люди большие*).

Степень фразеологизации привлеченных к рассмотрению единиц не оценивалась. Основные усилия были направлены на то, чтобы доказать устойчивый характер наименования, выявив при этом его ономаσιологическую структуру. Анализ показал, что в названиях фразеологического толка ономаσιологический базис соотносится с субстантивным компонентом. Этот компонент не переживает заметной семантической транспозиции, сохраняет свое денотативно-сигнификативное содержание, референтную соотнесенность. Переосмысливается атрибутивный компонент. Интенсивность и характер переосмысления бывают разными, установить это помогает компонентный анализ.

Сущность компонентного анализа состоит, как известно, в попытке выяснить, насколько значение всей единицы вытекает из значения составляющих ее слов. В нашем случае оказалось необходимым оценить семантические связи атрибутивного компонента и соответствующего ему свободного слова, а также слов, деривационно связанных с этим компонентом. Наблюдения показали, что семантические преобразования в процессе фразеологизации происходили в результате установления новых ассоциативных связей атрибутивного слова. Эти ассоциативные связи обеспечивали формирование прототипических, пропозиционных структур, которые сворачивались в процессе

фразеологизации. Усматривается такая закономерность: пространность пропозиции и степень фразеологизации находятся в прямо пропорциональной зависимости, т.е. чем выше степень фразеологизации, тем более пространная пропозиция свернута в наименовании. Ср.: идиома *дети боярские – великокняжеские дружинники* и ее возможная пропозиция (*дружинники, призванные защищать интересы высшего сословия, преданы князю, получают от него средства на жизнь, поэтому они ему как дети*) и фразеологизированное словосочетание *зеленое вино* и его пропозиция (*вино хлебное зеленоватого цвета*). Изложенный ранее вывод подтверждается.

Рассмотрение собранного языкового материала позволило установить, что в субстантивно-атрибутивных фразеологизмах однозначно оценить характер и степень семантической транспозиции атрибутивных компонентов сложно. Это приводит к тому, что в исторических словарях одни и те же единицы могут оцениваться по-разному, не оцениваться как устойчивые вообще.

Изучение значения атрибутивного компонента субстантивно-атрибутивного сочетания позволяет установить его связь с семантикой соответствующего свободного слова и оценить степень ее преобразования в процессе фразеологизации. Это же позволяет сделать и сопоставление состава устойчивого наименования и его значения. Приведем для примера еще несколько единиц: *запись порядная, письмо порядное, грамота порядная* – документы, фиксирующие договор (< *порядити, договориться*); *разрядный приказ, разрядная изба* – административные учреждения управления; *разрядная полата* – помещение служебного или административного назначения; *разрядная книга* – документ, фиксирующий царские указы, назначения (< *разряжати, распределять*); *поклонная грамота* – документ, содержащий просьбу (< *поклонитися, почтительно просить*); *подъемные люди* – привлекаемые для несения военной службы (< *подъемятися, готовиться в путь*); *разъемная память* – вид документа о распределении платежей (< *разъемяти, распределять*); *верящая грамота* – верительная грамота, доверенность (< *верити, доверять*); *кованая рать* – воины в металлических доспехах (< *ковати, изготавливать ковкой*); *приемная книга, приемная память* – документы о приемке пошлин, плат; *приемное дитя, приемная бабка* – акушерка (< *принимати*); *излюбленная грамота, излюбленная запись* – документ о примирении спорящих сторон (< *излюбити, принять решение*); *распускная грамота, распускная запись* – документ о разводе (< *распускати, разводити*). Мы не ставили перед собой задачу установить степень фразеологизации того или иного словосочетания, выявить же привлеченный к именованию агентивный признак удалось.

Переосмысление значения, которое в процессе фразеологизации претерпевает атрибутивный компонент, сам факт вовлечения словосочетания в этот процесс дают основания считать проанализированные наименования номинативными единицами особого типа. При этом возможность вычленения ономазиологического признака ставит их в один ряд с производными

универбами и свободными субстантивно-атрибутивными бивербами. В субстантивно-атрибутивных устойчивых наименованиях, рассмотренных нами, реализованы различные ономаσιологические признаки. Наиболее частотны наименования с агентивным ОП. Представлены колористический, экзистенциальный, локативный и некоторые другие признаки. В пределах устойчивого наименования структурирование ОП тоже возможно, однако чаще он бывает двучленным (ООП + ЧОП). Ср.: *деньги ходячие* – ООП по действию, КОП – субъектному, ЧОП – которые ходят; *двор белый* – ООП колористический, ЧОП – белый, чистый.

Попытка рассмотреть устойчивые старорусские наименования как производные единицы показала, что такой подход возможен. Признавая особый статус фразеологических единиц как средств номинации, целесообразно также не просто констатировать их генетическую связь с родственными свободными словосочетаниями, но и проследить ее характер, интенсивность проявления. Это значит, что признак, положенный в основу наименования и ставший частью его ономаσιологической структуры, может и должен быть изучен.

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное нами исследование подтвердило распространенный в современном языкознании тезис о том, что наиболее результативным и целесообразным является синхронно-диахронический подход к анализу языковых единиц. Язык старорусской деловой письменности является ценным источником для ономаσιологических исследований, позволяющим судить не только о состоянии системы предметных наименований в XV – XVII вв., но и изучать процессы номинативной деривации как таковые. При этом удается проводить наблюдения над тем, как смысл приобретает средства своего языкового выражения, как происходит представление знаний в знаках языка.

Исследование достигло своей цели, так как удалось разработать теоретические основы типологии предметных наименований, зафиксированных старорусским деловым языком, и дать характеристику установленных типов, определив их состав и продуктивность.

В результате исследования мы пришли к следующим выводам.

1. Язык старорусской деловой письменности располагал развитой системой производных предметных наименований, к которым следует отнести универбы, субстантивно-атрибутивные бивербы, устойчивые словосочетания. Особенностью данной системы является существование большого количества серийных неоднословных субстантивно-атрибутивных названий, функционировавших параллельно с однословными и находящихся с ними в

амбивалентной связи. Указанные бивербы могут быть квалифицированы в ряде случаев как минимальные пропозиционные построения для производных универбов. Ономасиологическая структура названных неоднословных и однословных единиц изоморфна, состоит из ономасиологического базиса, который эксплицирован аффиксом в универбе и базовым словом в бивербе, и ономасиологического признака, эксплицированного неаффиксной частью универба и атрибутивным компонентом биверба [1; 15; 16; 18].

2. Ономасиологический признак (ОП) является исключительно значимым элементом ономасиологической структуры производного наименования (ОСПН) и как понятие, которое уточняет основное содержание обозначаемого, может быть использован в качестве типологизирующего параметра в системном описании производных номинативных единиц. Именно характер ОП обнаруживает концептуальные приоритеты носителей языка в прошлом и настоящем, позволяет проследить, какие свойства предметов оказываются чаще всего замеченными, эксплицированными в номинативных единицах, как происходит движение от смысла к способам его языкового выражения. ОП устанавливается путем анализа номинативного суждения (НС), представляющего собой фиксацию внутренней формы слова и изоморфного ему атрибутивно-субстантивного словосочетания, пропозиционное построение, объяснение пути возникновения наименования. Возможная вариативность НС не мешает рассмотреть в нем указание на мотивирующее понятие, установить связь между словообразовательными и несловообразовательными категориями [1; 2; 20; 36].

3. ОП имеет свою структуру, которая соотносится с логическими представлениями об общем и частном, а также с онтологическими свойствами явлений действительности, с соответствующими понятиями, мотивирующими данные наименованиями. Составные элементы структуры ОП определены нами как обобщенный, конкретизированный и частный ономасиологический признак (ООП, КОП, ЧОП). Понятие, положенное в основу производного наименования, трактуется как своего рода обобщение, оно конкретизируется или рассматривается в связи с частным, названным мотивирующим словом или словами понятием. Компоненты ОСПН носят индивидуальный характер, в каждом типе наименований они специфичны, однако это не нивелирует значимость их выявления, а позволяет доказать сложность переплетающихся смыслов, вовлеченных в процесс номинативной деривации [1; 20; 36; 46].

4. Изоморфность ономасиологической структуры производных универбов и субстантивно-атрибутивных бивербов обуславливает возможность их типологизации с использованием единых критериев, в частности, на основе характера ОП. Указанные неоднословные наименования максимально приближены к слову не только по ономасиологической структуре и номинативной функции, но и по характеру представления в них знаний об окружающей

действительности. Параллельное использование в старорусской номинации конгруэнтных универбов и бивербов (*свободный человек – свободник, портной швец – портной*) упрочивает позиции единообразного подхода к их типологизации, поскольку они образуют систему производных наименований [1; 43; 44; 46; 47].

5. В сфере номинативной деривации, отразившейся в языке старорусской деловой письменности, выделяется пять основных типов: агентивный, объектный, нумерально-темпоральный, посессивный, локативный. Их продуктивность, паритетное соотношение входящих в них универбов и субстантивно-атрибутивных бивербов обнаруживает концептуальную значимость соответствующих мотивирующих понятий и ОП. В процессе дискретизации действительности и присвоении предметам имен в старорусский период наиболее существенными были его свойства, связанные с понятиями действия, объекта окружающего мира, числа и времени, принадлежности, места. Обращение к современным представлениям об универсальных концептуальных системах обнаружило сохранившуюся приоритетность их позиций [21; 22; 23; 42].

6. Наиболее распространенным способом создания однословных старорусских наименований является суффиксация. Суффиксальные дериваты широко представлены во всех типах предметных названий. Используемые суффиксы чаще всего представляют собой композитные морфемы, возникшие в истории русского языка в результате интеграции или переинтеграции существовавших ранее более простых аффиксов (- *бум* - < *- *ib* - + * - *it* -; - *ник*- < -*ьник*- < -*ьн*- + -*ик* < *-*ip* - + *-*ik*-; - *щик* - < *-*isk* - + * - *ik* -). Выделяется группа самых активных суффиксов. Это - *ник*-, - *чик*-, - *щик*-, -*тель*-, - *ец* -. Предметные универбы возникали также с помощью конфиксации, основосложения и суффиксации, семантической конденсации (субстантивации) [1; 2; 13; 14; 28].

7. Предметную номинацию в языке старорусской деловой письменности обеспечивали также и устойчивые словосочетания с различной степенью фразеологизации. Старорусская деловая фразеология неоднородна по составу, заметную ее часть составляют субстантивно-атрибутивные единицы. Если устойчивое наименование не является идиомой (фразеологическим сращением), возможен ее структурно-ономасиологический анализ с определением ОБ и ОП. Чем меньше степень фразеологизации субстантивно-атрибутивного сочетания, тем более отчетливо проявляется его ономасиологическая структура, доступнее осознание мотивов возникновения подобного наименования. Фразеологические единицы неидиоматического свойства могут быть проанализированы с ономасиологических позиций как и другие типы производных имен [3; 4; 5; 6; 17; 48].

8. Анализ компонентного состава собранных устойчивых наименований показал, что переосмыслению при невысокой степени фразеологизации подвергается, как правило, атрибутивный компонент, соотносимый в ОСПН с ОП. Субстантивный компонент сохраняет свое значение, выполняет категоризирующую функцию и соотносится в ОСПН с ОБ. Фразеологические и фразеологизированные единицы являются производными наименованиями особого типа ввиду устойчивости состава, воспроизводимости, повторяемости, а главное, ввиду семантической транспозиции атрибутивного компонента [1; 3; 7; 8; 26; 40].

9. Предпринятый опыт структурно-ономасиологического описания устойчивых наименований показал, что в качестве ОП в них чаще всего выступают понятия экзистенциального свойства, определяющие квалификативный признак предмета. Выделить ОП и указать его особенности можно с известной долей условности, обратившись к понятийному каркасу пропозиционных построений, в качестве которых нередко выступают конгруэнтные свободные словосочетания. Возможность установления ОСПН устойчивого типа сочетается с возможностью определения логики переосмысления семантики атрибутивного компонента [1; 3; 9; 31; 40].

Изучение системы старорусских предметных наименований показало, что исторический аспект ономасиологических исследований имеет большое значение, поскольку позволяет установить закономерности возникновения производных имен в прошлом, определить наиболее активные способы номинативной деривации, выявить мотивы появления названий, проникнуть в сложные речемыслительные процессы, предшествующие их возникновению. Слово и словосочетание при таком подходе рассматривается как результат познавательной и креативной деятельности носителей языка, как средство выражения смысла, как мостик, соединяющий окружающий мир и человека.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора.

Монографии:

1. Трофимович Т.Г. Типы предметных наименований в языке старорусской деловой письменности. – Минск: УИЦ БГПУ, 2003. – 225 с.

Словари:

2. Трофимович Т.Г. Словарь названий лиц в Соборном уложении 1649 года / М-во образования РБ, Бел. гос. пед. ун-т. – Минск, 1998. – 58 с.

Статьи:

3. Трофимович Т.Г. О формировании старобелорусской и старорусской правовой фразеологии // Вопросы русской и белорусской грамматики и лек-

сикологии: Сб. науч. тр. / Мин. гос. пед. ин-т им. А.М.Горького; Редкол.: М.Г.Булахов и др. – Минск, 1978. – С. 35 – 41.

4. Трофимович Т.Г. О фразеологии Уложения 1649 года // Исследования по лексике и грамматике: Сб. науч. тр. / М-во просвещения БССР, Мин. гос. пед. ин-т им. А.М.Горького. – Минск, 1979. – С. 54 – 60.

5. Трофимович Т.Г. Из наблюдений над фразеологией Уложения 1649 года // Словарные составы русского и белорусского языков в их историческом развитии и современном состоянии: Сб. науч. тр. / Мин. гос. пед. ин-т им. А.М.Горького; Редкол. М.Г.Булахов и др. – Минск, 1980. – С. 73 – 80.

6. Трофимович Т.Г. Фразеологизм 'обесчестить словом' в Уложении 1649 года // Словарные составы русского и белорусского языков в их историческом развитии и современном состоянии: Сб. науч. тр. / Мин. гос. пед. ин-т им. А.М.Горького; Редкол. М.Г.Булахов и др. – Минск, 1980. – С. 41 – 48.

7. Трофимович Т.Г. К изучению лексико-фразеологического состава Уложения 1649 года // Русский язык: Межвед. сб. / Бел. гос. ун-т им. В.И.Ленина; Редкол.: П.П.Шуба (отв. ред.) и др. – Минск, 1981. – С. 84 – 90.

8. Трофимович Т.Г. Фразеологизированные средства номинации лиц в Уложении 1649 года // Семантика языковых единиц: Сб. науч. тр. / Мин. гос. пед. ин-т им. А.М.Горького; Редкол. М.Г.Булахов и др. – Минск, 1984. – С. 112 – 118.

9. Трофимович Т.Г. К изучению лексико-фразеологического состава старорусского делового языка // Особенности функционирования русского языка в Белоруссии: Сб. науч. тр. / Мин. гос. пед. ин-т им. А.М.Горького; Редкол. М.Г.Булахов и др. – Минск, 1985. – С. 45 – 52.

10. Трофимович Т.Г. К изучению словарного состава старорусского делового языка // Русский язык: Межвед. сб. / Бел. гос. ун-т. – Минск, 1992. – Вып. 12. – С. 102 – 108.

11. Трофимович Т.Г. К изучению экспрессивных свойств русского народно-разговорного языка XVII века // Весці БДПУ імя Максіма Танка. – 1996. – № 3. – С. 74 – 82.

12. Трофимович Т.Г. Лексемы человек-люди в языке старорусской деловой письменности // Весці БДПУ імя Максіма Танка. – 1997. – № 4. – С. 65 – 73.

200. Трофимович Т.Г. Суффиксальные универбы в системе номинативных средств языка старорусской деловой письменности // Весці БДПУ імя Максіма Танка. – 1999. – № 1. – С. 23 – 30.

13. Трофимович Т.Г. К изучению проблемы номинативной мотивации // Весці БДПУ імя Максіма Танка. – 1999. – № 2. – С. 71 – 76.

14. Трафімовіч Т.Р. Матывацыя старабеларускіх найменняў з фармантам -нік // Веснік БДУ. – Серыя 4. – 1999. – № 1. – С. 48 – 52.

15. Трофимович Т.Г. Неоднословные названия лиц в системе номинативных средств старорусского делового языка // Весці БДПУ імя Максіма Танка. – 1999. – № 3. – С. 46 – 52.

16. Трофимович Т.Г. Старорусские неоднословные наименования лиц в связи с проблемой номинативного статуса словосочетания // Весці БДПУ імя Максіма Танка. – 2000. – № 1. – С. 61 – 67.

17. Трофимович Т.Г. Фразеологизация неоднословных наименований в языке старорусской деловой письменности // Весці БДПУ імя Максіма Танка. – 2000. – № 3. – С. 32 – 37.

18. Трофимович Т.Г. О теоретических основах типологии предметной номинации языка старорусской деловой письменности // Весці БДПУ імя Максіма Танка. – 2002. – № 3. – С. 142 – 149.

19. Трофимович Т.Г. Старорусский деловой язык в типологии предметных наименований // Весці БДПУ імя Максіма Танка. – 2002. – № 4. – С. 85 – 92.

20. Трофимович Т.Г. Категория предметности и типология предметной номинации в языке старорусской деловой письменности // Вестник Витебского государственного университета им. П.М.Машерова. – 2003. – № 1 (27). – С. 80 – 85.

21. Трофимович Т.Г. Наименования кровного и свойственного родства в системе имен лиц языка старорусской деловой письменности // Весці БДПУ імя Максіма Танка. – 2003. – № 2. – С. 46 – 49.

22. Трофимович Т.Г. Локальный тип предметных наименований в языке старорусской деловой письменности // Веснік БДУ. – Серыя 4. – 2003. – № 2. – С. 50 – 55.

23. Трофимович Т.Г. Некоторые итоги типологического описания системы старорусских предметных наименований // Вести БГПУ имени Максима Танка. – 2003. – №3. – С.83 – 88.

Материалы и тезисы конференций:

24. Трофимович Т.Г. О некоторых лексических средствах номинации имущественных преступлений в старорусском деловом языке // Актуальные проблемы исторической и диалектной лексикологии и лексикографии русского языка: Тез. докл. к респ. координац. совещ. 23 – 26 сентября 1988 г. / Редкол.: Г.В.Судаков (отв. ред.) и др. – Вологда: Вологод. ГПИ, 1988. – С. 70 – 72.

25. Трофимович Т.Г. Старорусская и старобелорусская письменность в языковых контактах // Беларуска-руська-польскае супастаўляльнае мовазнаўства і літаратуразнаўства: Матэрыялы IV міжнар. навук. канф.,

Віцебск, 22 – 24 красавіка 1997 г. / Віц. дзярж. ун-т. – Віцебск, 1997. – С. 75 – 77.

26. Трофимович Т.Г. К проблеме лексико-фразеологических средств номинации лиц в языке старорусской деловой письменности // Язык, слово, действительность: Тез. междунар. науч. конф., Минск, 22 – 23 мая 1997 г. / Бел. гос. пед. ун-т. – Минск, 1997. – С. 74 – 76.

27. Трофимович Т.Г. Лексико-фразеологические средства номинации документов в языке старорусской деловой письменности // Проблемы языка и литературы и методики их преподавания: Материалы науч.-практ. конф., посвященной памяти Ф.И.Буслаева, Минск, 17 апреля 1997 г. / Бел. гос. пед. ун-т. – Минск, 1997. – С. 77 – 79.

28. Трофимович Т.Г. Аффиксация в системе старорусской номинативной деривации // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках: Материалы VI междунар. науч. конф., Гродно, 28 – 29 мая 1998 г. / Гродн. гос. ун-т. – Гродно, 1998. – Ч. 1. – С. 176 – 179.

29. Трофимович Т.Г. Активная валентность имени и ее реализация в языке старорусской деловой письменности // Валентностная грамматика в структурном и коммуникативном аспектах и ее выразительные возможности в языке и речи: Тез. докл. науч. конф., Могилев, 14 – 15 октября 1998 г. / Мог. гос. ун-т. – Могилев, 1998. – Ч. 1. – С. 103 – 105.

30. Трофимович Т.Г. Культурно-исторический опыт народа и явления мотивации слова // Национально-культурный компонент в тексте и языке: Материалы 2-й междунар. науч. конф., Минск, 7 – 9 апреля 1999 г. / Бел. гос. ун-т, МАПРЯЛ. – Минск, 1999. – Ч. 3. – С. 116 – 119.

31. Трофимович Т.Г. Фразеологизированные средства номинации языка старорусской деловой письменности в связи с проблемой объекта фразеологии // Актуальные проблемы славянской фразеологии: Материалы междунар. науч. конф., Гомель, 16 – 17 ноября 1999 г. / Гом. гос. ун-т. – Гомель, 1999. – С. 43 – 45

32. Трофимович Т.Г. Старорусские неоднословные наименования: факты и перспективы изучения // Русский язык в изменяющемся мире: Материалы междунар. науч. конф., Минск, 30 – 31 марта 1999 г. / Бел. гос. ун-т. – Минск, 2000. – Ч. 1. – С. 142 – 146.

33. Трофимович Т.Г. Социальные приоритеты в зеркале языка // Язык и социум: Материалы III междунар. науч. конф., Минск, 4 – 5 декабря 1998 г. / Бел. гос. ун-т. – Минск, 2000. – С. 111 – 113.

34. Трофимович Т.Г. Полонизмы в системе номинативных средств языков старорусской и старобелорусской деловой письменности // Беларуска-руська-польскае супастаўляльнае мовазнаўства, літаратуразнаўства, культуралогія: Матэрыялы V міжнар. навук. канф., Віцебск, 25 – 27 мая 2000 г. / Віц. дзярж. ун-т. – Віцебск, 2000. – С. 120 – 122.

35. Трофимович Т.Г. К изучению способов наименования действий в языке старорусской деловой письменности // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках: Материалы междунар. науч. конф., Гродно, 14 – 15 апреля 2000 г. / Гродн. гос. ун-т. – Гродно, 2000. – С. 148 – 151.

36. Трофимович Т.Г. Старорусский деловой текст как источник ономаσιологических сведений // От слова к тексту: Материалы междунар. науч. конф., Минск, 13 – 14 ноября 2000 г. / Мин. гос. лингв. ун-т. – Минск, 2000. – Ч. 3. – С. 84 – 86.

37. Трофимович Т.Г. Язык старобелорусской деловой письменности и некоторые проблемы его историко-ономаσιологического описания // Беларускае Асветніцтва: вопыт тысячагоддзя: Матэрыялы II міжнар. кангрэса, Мінск, 17 – 19 мая 2000 г. / Бел. дзярж. пед. ун-т. – Мінск, 2001. – Кн. 2. – С. 199 – 204.

38. Трофимович Т.Г. Термины кровного и свойственного родства в языке старорусской деловой письменности // Язык, слово, действительность: Материалы II междунар. науч. конф., Минск, 25 – 27 октября 2000 г. / Бел. гос. пед. ун-т. – Минск, 2000. – Ч. 2. – С. 112 – 114.

39. Трофимович Т.Г. Старорусский деловой язык: к типологии предметной номинации // Актуальные проблемы исследования языка и речи: Материалы междунар. науч. конф. молодых ученых, Минск, 30 – 31 октября 2001 г. / Бел. гос. пед. ун-т. – Минск, 2001. – Ч. 1. – С. 19 – 22.

40. Трофимович Т.Г. Фразеология и исторический аспект языковой номинации // Славянская фразеология в ареальном, историческом и этнокультурном аспектах: Материалы междунар. науч. конф., Гомель, 23 – 24 ноября 2001 г. / Гом. гос. ун-т, Об-во Кириллы Туровского, Гом. специализир. слав. библи. – Гомель, 2001. – С. 75 – 78.

41. Трофимович Т.Г. Деловая письменность XV – XVII вв. и сопоставительное изучение русского и белорусского языков // Проблемы изучения и преподавания русского языка в школе и вузе на современном этапе: Материалы междунар. науч.-практ. конф., Нежин, 9 – 10 октября 2001 г. / Неж. пед. ун-т. – Нежин, 2001. – С. 80 – 83.

42. Трофимович Т.Г. Агентивный тип предметных наименований в языке старорусской деловой письменности // Русский язык: система и функционирование: Материалы междунар. науч. конф., Минск, 17 – 18 апреля 2002 г. / Бел. гос. ун-т. – Минск, 2002. – Ч. 1. – С. 101 – 104.

43. Трофимович Т.Г. К проблеме системного описания предметной номинации языка старорусской деловой письменности // Кирилл и Мефодий: духовное наследие: Материалы междунар. науч. конф., Калининград, май 2002 г. / Калинингр. гос. ун-т. – Калининград, 2002. – С. 144 – 154.

44. Трофимович Т.Г. О соотношении слова и словосочетания в предметной номинации старорусского делового языка // Лингвистика и литературо-

ведение в университете: Материалы респ. науч.-практ. конф., посвященной 80-летию БГПУ им. М. Танка, Минск, 14 – 15 ноября 2002 г. / Бел. гос. пед. ун-т. – Минск, 2002. – С. 57 – 59.

45. Трофимович Т.Г. Язык старорусских документов и возможности его историко-ономазиологического изучения // Культура мовы і грамадства: Матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 5-6 снежня 2002 г. / Бел. дзярж. пед. ун-т. – Мінск, 2002. – С. 230 – 232.

46. Трофимович Т.Г. Ономазиологическая структура слова в типологическом описании старорусских предметных наименований // Проблемы теории и истории славянского словообразования: Тез. докл. Шестой Междунар. конф. Комиссии по славянскому словообразованию при Междунар. комитете славистов, Минск, 2 – 6 марта 2003 г. / Мин. гос. лингв. ун-т, Ин-т языкознания им. Я.Коласа. – Минск, 2003. – С. 43 – 46.

47. Трофимович Т.Г. Имя собственное и проблема ономазиологической структуры производного наименования // Беларуска-руско-польскае супастаўляльнае мовазнаўства, літаратуразнаўства, культуралогія: Матэрыялы VI міжнар. навук. канф., Віцебск, 15 – 17 мая 2003 г. / Віц. дзярж. ун-т. – Віцебск, 2003. – Ч. 2. – С. 110 – 115.

РЕЗЮМЕ

Трофимович Тамара Григорьевна Типология предметной номинации в языке старорусской деловой письменности

Ключевые слова: лингвистическая семантика, ономазиология, номинация, номинативная деривация, типологическая характеристика, предметные наименования, старорусский деловой язык, ономазиологическая структура наименования, ономазиологический признак, ономазиологический базис, однословные и неоднословные единицы, деривационные средства, типы наименований, фразеологизм как производное наименование.

Объект исследования: Объектом исследования являются производные предметные наименования, отразившиеся в языке старорусской деловой письменности. Источниками языкового материала для исследования послужили памятники деловой письменности, созданные в XV – XVII вв. Предмет исследования – ономазиологическая структура и типы предметных наименований старорусского делового языка.

Научная новизна и значимость полученных результатов состоит в том, что впервые в исторической славистике предлагается комплексная характеристика типов предметных наименований старорусского делового языка. Она впервые осуществлена с использованием предложенной автором теории, основу которой составляет положение об исключительной значимости ономазиологического признака в структуре вторичных названий и в изучении типов производных однословных, неоднословных субстантивно-атрибутивных, а также фразеологических наименований неидиоматического вида. Через определение типов названий выявлены концептуально значимые для продуцирования наименований понятия, доказана их определяющая роль в номинативных процессах прошлого и настоящего. Выработаны приемы установления ономазиологического признака производного наименования путем анализа номинативного суждения, сущность и назначение которого как инструмента познания ономазиологической структуры впервые квалифицированы автором.

Основные положения и выводы диссертационного исследования могут быть использованы в теоретических трудах и практических пособиях по исторической ономазиологии, номинативной деривации, при чтении вузовских курсов по словообразованию, истории русского литературного языка. Разработанные в диссертации теоретические основы типологического описания производных предметных наименований могут найти применение при изучении номинативных средств русского языка других периодов его развития, русских говоров, а также процессов номинативной деривации других славянских и неславянских языков и их диалектов.

SUMMARY

Trofimovich Tamara Grigorievna Typology of presentive nomination in language of ancient Russian business writing

Key-words: linguistic semantics, onomasiology, nomination, nominal derivation, typologic characteristic, presentive nominations, ancient Russian business language, onomasiological structure, nominations, onomasiological mark, onomasiological basis, one-word and non one-word units, derivational means, types of nominations, phraseological unit as a derivative nomination.

The object of research are derivative presentive nominations reflected in language of ancient Russian business writing. Source-books of business writing are sources of linguistic material of research created in XV-XVII centuries. The subject of research is onomasiological structure and types of presentive nominations of ancient Russian business language.

Scientific novelty and value of results received consists in the following: an integrated description of types presentive nominations of ancient Russian business language is suggested in historical slavistic first time. It is carried out with use by author's suggested theory, base which forms a position on an exceptional significance of onomasiological mark in the structure of supplementary names and in the investigate of types derivative one-word, non one-word substantial attributive as far as phraseological nominations of unidiomatic type. Conceptually significant concepts for production nominations are revealed through the determination of types of names, their determined role is proved in nominal processes in last and present time. Methods of establishment onomasiological mark of derivative nomination are worked out by analysis of nominal predicate, essence and function as the instrument of knowledge of onomasiological structure are qualified by the author first time.

The main positions and conclusions of the dissertational research may be used in the theoretical works and practical supplies on historical onomasiology, nominal derivation, lectures on word-formation at Higher Educational Establishments, History of Russian literary language.

Theoretical bases of typological description of derivative presentive nominations are worked out in the dissertation will be used in the case of study nominal means of Russian the other periods of its development, Russian voices as far as processes of nominal derivation the other Slavic and non Slavic languages and their dialects.

Уважаемые коллеги!

Прошу включить в программу Карских чтений 2005 года мой доклад

на тему: “Типология предметной номинации: состояние и перспективы изучения”.

Автор – доцент кафедры теории и истории языка Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка, доктор филологических наук ТРОФИМОВИЧ Тамара Григорьевна.

220051 Минск, ул. Громова, д.22, кв. 12. Тел. дом. 279-39-45

Предлагается комплексная характеристика типов предметных наименований старорусского делового языка. Она впервые осуществлена с использованием предложенной автором теории, основу которой составляет положение об исключительной значимости ономаσιологического признака в структуре вторичных названий и в изучении типов производных однословных, неоднословных субстантивно-атрибутивных, а также фразеологических наименований неидиоматического вида. Через определение типов названий выявлены концептуально значимые для продуцирования наименований понятия, доказана их определяющая роль в номинативных процессах прошлого и настоящего. Выработаны приемы установления ономаσιологического признака производного наименования путем анализа номинативного суждения, сущность и назначение которого как инструмента познания ономаσιологической структуры впервые квалифицированы автором.

An integrated description of types presentive nominations of ancient Russian business language is suggested in historical slavistic first time. It is carried out with use by author's suggested theory, base which forms a position on an exceptional significance of onomasiological mark in the structure of supplementary names and in the investigate of types derivative one-word, non one-word substantial attributive as far as phraseological nominations of unidiomatic type. Conceptinally significant concepts for production nominations are revealed through the determination of types of names, their determined role is proved in nominal processes in last and present time. Methods of establishment onomasiological mark of derivative nomination are worked out by analysis of nominal predicate, essence and function as the instrument of knowledge of onomasiological structure are qualified by the author first time.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ